

А.В. Урманов
A.V. Urmanov

АМУРСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА **THE AMUR THEME IN PAVEL VASILYEV'S WORKS**

Александр Васильевич Урманов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Aleksandr Vasil'evich Urmanov – Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: a.v.urmanov@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена двум небольшим художественно-очерковым книгам Павла Васильева, созданным по впечатлениям от пребывания в Приамурье.

Summary. The article considers two small Pavel Vasilyev's books of essays, created by impressions of his stay in the Amur region.

Ключевые слова: Литературное краеведение, литература Приамурья, Павел Васильев, «В золотой разведке», «Люди в тайге», очерк.

Key words: Literary regional study, the literature of the Amur region, Pavel Vasilyev, «In golden exploration», «People in the Taiga», essays.

УДК 82-3

Павел Николаевич Васильев известен как один из самых выдающихся поэтов первой половины XX века. О прозаическом творчестве русского гения, расстрелянного в 1937-м, в двадцатисемилетнем возрасте, слышали немногие. А между тем оно тоже представляет огромный интерес. Тем более для жителей Амурской области. Так сложилось, что проза Васильева – и содержательно, проблемно-тематически, и своей творческой историей – тесно связана с Приамурьем.

В конце августа 1928 года по заданию редакции газеты «Советская Сибирь» вместе с ещё одним молодым сибирским поэтом Николаем Титовым восемнадцатилетний Павел Васильев совершил длительную творческую поездку по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, основными топографическими координатами которой стали Иркутск, Верхнеудинск (Улан-Удэ), Чита, Сретенск, Благовещенск, реки Зея, Селемджа и Нора, а также Свободный, Хабаровск и Владивосток...

29 января 1929 года, находясь уже в Хабаровске, Васильев написал об этой поездке Ираиде Пшеницыной – сестре своего школьного товарища: «<...> Сейчас я пишу тебе из г. Хабаровска. Хочешь, я расскажу тебе, как я сюда попал? / В августе 1928 г. я получил командировку от газеты «Советская Сибирь» на золотые прииски. / Я пересёк сначала всю Западную Сибирь, обогнул озеро Байкал, задержался в Бурято-Монгольской республике, посетил знаменитую каторжанскую Шилку, разрезал затем пополам почти всю и Восточную Сибирь и свернул на знаменитые Нижне-Селемджинские золотые прииски. <...> Я охотился, разыскивал золото и в конце концов отправился с экспедицией Союззолота на реку Нору, берущую начало у Яблонова хребта. Во время этой экспедиции я заболел цингой и был принуждён уехать в город. Сейчас я пока живу в Хабаровске, но скоро уеду во Владивосток...» [3].

По этому письму можно получить представление не только о маршруте сибирско-дальневосточного путешествия, но и о времени пребывания Васильева в Приамурье – приблизительно с начала октября 1928 по январь 1929. Вообще же поездка по Сибири и Дальнему Востоку заняла примерно год. Однако этот сравнительно протяжённый отрезок короткой жизненной и творческой судьбы Васильева – из самых «тёмных», в большинстве биографических справок о поэте он либо вообще отсутствует, либо проговаривается невнятно, либо, чаще, представляет собой набор мифов и фактических неточностей. Так, нередко утверждения, что Васильев «был старателем на золотых приисках Лены», «работал старателем на ленских золотых приисках». Ошибка, возможно, возникла из-за путаницы, связанной с тем, что прииск под распространённым в советскую эпоху названием «Майский» был не только в Приамурье, но и в Якутии, на реке Лене. Васильев же находился не на якутском, ленском, а именно на амурском, селемджинском прииске Майский (современный Мазановский район Амурской области). К тому же, вопреки расхожему мифу, был он там вовсе не в качестве обычного старателя или приискового рабочего. О том, чем он занимался на прииске Майском, даёт представление фрагмент очерка

«Люди в тайге»: «Нас вышли встречать несколько мужчин и женщин. <...> Он (фельдшер Рыбников. – А.У.) взял меня под руку и повёл к одному из барачков. / – Ну что же, – сказал он. – Вот вы и приехали. Вижу, что из вас кое-кто и по культурке будет. Культурку к нам привезли» [3].

По первоначальному плану из Благовещенска Васильев и Титов собирались отправиться во Владивосток, однако, поддавшись порыву и уговорам, решение своё изменили. Причина такова: живя в гостинице, они случайно познакомились там с Фёдором Цетлиным, только что назначенным на должность управляющего Нижне-Селемджинскими приисками, и по его приглашению решили отправиться на Селемджу. Вот как описывал Васильев свой путь до Майского:

«Я прибыл на прииски осенью. Мы выехали из Благовещенска на пароходе, название которого я уже успел забыть. Помню только, что подвигался он по рекам со скоростью километра в 3 часа. / Мы шли по Амуру, Зее и Селемдже. Набранные в Благовещенске приискатели пили водку, играли в карты и сотрясали судёнышко немислимой чечёткой “сербянки” – танца, очень распространённого в этих местах. / Гармоний было много, они трепыхались в огромных руках парней подобно пёстрым, раздувшимся индюкам. / Мы высадились, наконец, на заброшенной среди сопки и ключей пристани Дагмаре – становке старого купца Сафонова, который был когда-то несметно богат, а теперь доживает остатки дней в заслуженной нищете <...>. От Дагмары до прииска Майского – первой остановки – уже рукой подать. Нас везли на костлявых, вихлястых лошадях по мелкому березняку. Колёса таратаек прыгали, проваливаясь в щели бревенчатого настила. / Шушала пышная рыжая пена деревьев, и воздух колосся, как лёд, от чистоты, густоты, свежести. В сопки не верилось, – казалось, что аккуратно нарисованы они средней руки пейзажистом <...>» («Люди в тайге») [3].

А теперь о «культурке» – то есть о той работе, ради которой Цетлин и привёз на «Майский» Васильева и Титова. Задача перед ними стояла, судя по всему, не вполне литературная. Молодые поэты должны были стать «инженерами человеческих душ», но не в фигуральном, а в буквальном смысле. Им предстояло совершить почти невозможное – так увлечь культурно-просветительной, культурно-воспитательной работой обитателей приисков, чтобы те кардинально изменили представление о жизненных ценностях. Прежде всего – отучились от пагубной привычки, которая поразила буквально всех, начиная с простых рабочих и вплоть до руководителей.

В завязке книги «В золотой разведке» бывший председатель прииска Карпов даже не пытается оправдаться, он уверен, что переломить ситуацию с повальным пьянством не удастся и новому руководству: «Братишки, дело обстояло вот как. Приезжаем мы сюды, ничего нет. Ну, давай мы налаживать. И наладили. А што пили, правда, не утаю – точно пили. И пить будем. Потому в такой глуши, как наша, не пить нельзя. Я вот слышал, што новый заведующий наш, товарищ, значит, Цетлин, против нас, значит, выступать хочет. Дескать, не пейте. Ничего! Поживёт, образумится. Поймёт. Вместе потом по стаканчику хлобыстнём» [3].

Слова Карпова вызывают шумное одобрение, но фанатик социалистических преобразований Цетлин настаивает – с пьянством на приисках надо кончать, для этого и нужна «культурка»: «Товарищи! Не будем закрывать глаз: наши прииски были до сих пор пьяными приисками... / Товарищи, у нас не было до сих пор никакой культурной работы...» [3].

Помимо пьянства, проявлением бескультурья герой-рассказчик воспринимает и атрибуты христианской веры: «На божнице по тёмному лицу Спаса полз рыжий жирный таракан. / Мне невольно пришло в голову: как они здесь выживают – тараканы и... иконы?...» [3].

Васильев со своим товарищем добились на «Первомайском» многого: был отремонтирован клуб, приискатели поставили спектакль...

С помощью «культурки» Цетлин надеется переломить ситуацию и добиться того, чтобы все осознали грандиозную задачу, которую поставила перед ними страна Советов: «Товарищи, русский пролетариат совершил победоносную революцию. Рабочий класс в союзе с крестьянством находится сейчас у власти. Чтобы удержать эту власть, рабочим и крестьянам нужно создать своё мощное хозяйство. Нам нужны новые заводы, машины. Для того чтоб их купить и наладить, необходимо иметь золото. / На нас лежит ответственная задача – это золото для страны достать» [3].

«Цетлина поддержали демобилизованные красноармейцы, прибывшие на прииска целой партией. Под хлётским их напором приискатели сдавали одну за другой свои позиции. / Против пьянки голосовали единогласно при трёх воздержавшихся...» [3].

Правда, искоренение тяги к горячительным напиткам и после этого идёт непросто, «культурка» одна, без административных воздействий, без карательных акций не всесильна.

Васильев пишет об этом не без иронии: «В амбаре буянил фельдшер Рыбников. Он вчера выпил весь находящийся в амбулатории спирт и сломал две клизмы» [3].

Представления П. Васильева о роли литературы в жизни общества вполне традиционны для 1920–1930-х годов: писатели должны быть активными участниками социалистического переустройства жизни, в этом и состоит их главная миссия. Они должны бороться с разного рода недостатками, используя для этого и оперативные жанры. П. Васильев не избежал и этого. Осенью 1928 г. в газете «Амурская правда» под псевдонимом *Старатель* была напечатана его заметка «Рабочие прииска “Майский” разоблачают бюрократизм и разгильдяйство» (почти по Ильфу и Петрову: «Ударим автопробегом по бездорожью, разгильдяйству и бюрократизму!»). – А. У.).

Своё пребывание в Приамурье (тогда, на рубеже 1920–1930-х, упразднённая и разделённая на два административных округа Амурская область входила в состав Дальневосточного края – ДВК – с центром в Хабаровске) Васильев отразил в двух очерковых книжках, вышедших в московском издательстве «Физкультура и туризм»: «В золотой разведке» (1930) [1] и «Люди в тайге» (1931) [2]. Книги эти неразрывно связаны: события, описанные в них, происходят в одно время (осень – зима 1928 г.), в одних и тех же географических координатах (бассейн реки Селемджи – крупнейшего притока Зеи). Общая в них и топонимика – названия населённых пунктов (Благовещенск, «Слободный» – то есть г. Свободный, Дагмара, Майский, Уландочка, Норский Склад, Харбин и «Сахо-Лян» – правильно Сахалин, ныне Хэйхэ), рек и ключей (Амур, Зея, Селемджа, Нора, Бом, Мамын, Тыгда, Уштым). Большинство героев, о которых рассказывает автор, упоминаются или действуют в обеих книжках: это, прежде всего, управляющий Селемджинскими приисками Фёдор Цетлин, бывший председатель прииска Карпов, фельдшер Рыбников, приискатели Катовшиков, Брутцкий, Моторный и др. Произведения родственны по жанру, стилю, манере повествования. Общий у них и герой-рассказчик – приехавший в Приамурье издалека молодой литератор, собирающий материал для книги об экзотическом крае и тех, кто его населяет: «Я писал дневник на слипшейся от мороза бумаге, едва сжимая костенеющими пальцами карандаш. Я старался не упустить мелочей. Перед тем, как ехать в экспедицию, я получил письмо от сибирского литератора Вивиана Итина. / “Записывайте каждый день в дневник. Записывайте, потому что это – ценность”. / Я следовал совету опытного сибирского писателя-путешественника» [3].

Художественные очерки Васильева, в основу которых легли непосредственные впечатления автора, а также рассказы его собеседников – приискателей, открывают нам немало нового, прежде неизвестного. В первую очередь это касается истории золотой лихорадки на Амуре. Васильев детально описывает тех золотоискателей, с которыми его свела судьба, а кроме того, основываясь на их рассказах, воссоздаёт то, что было прежде, на рубеже XIX–XX веков. Эти страницы очерков особенно интересны с познавательной точки зрения. Вот только одна из них, рассказывающая о золотой лихорадке на Боме:

«Лет десятка два назад хищня Зейской системы перевалила Зейские становики и в бассейне реки Норы на каменистом ключе Боме обнаружила богатейшие золотые россыпи.

Весть о чудовищной золотой добыче быстро распространилась по всей тайге, и к Бому начали стекаться хищники Зеи, Витима, Гимома и других участков.

Быстро окрестности Бомы были нарезаны в деляны, и далеко кругом закопошились неутомимые артели золотоискателей.

По свидетельству Катовщикова, один человек намывал в день на Боме до 20 фунтов золотого песку (то есть свыше 8 кг! – А. У.).

Золотоискатели терпели страшные лишения. Продуктов не хватало. Лишь предприимчивые купцы изредка завозили на Бом товар и продавали его по баснословным ценам. Достаточно сказать, что спирт и золото шли “стакан на стакан”.

Приискатели страдали от цинги и болотной лихорадки.

Несмотря на это, Бомские прииска росли буквально с каждым часом. Надменно властвовала золотая лихорадка. Оборванные, истощённые, заросшие, как звери, хищники от зари до зари работали на своих делянках, туго набивая золотом оленьи мешки. Бом напоминал разворочённый палкой муравейник – так в нём кипела работа.

Вокруг ключа раскинулся своеобразный “город”, мрачно и хмуро лепились землянки и шалаши, захлестнутые девственной тайгой. У золотоискателей существовала своя “общественность”, свои “законы”.

Все артели повиновались старшине, который судил, наказывал, миловал.

Но законы были железные, выкованные тайгой. Так, например, вора бросали в отработанный шурф и забывали о его существовании. Каждый день, когда золотоискатели шли на обед, виновный должен был громко признавать свою вину и просить товарищей о пощаде.

За убийство полагалась казнь батогами.

Озверелое, грубое сборище хищников, изнемогая под тяжестью голода и работы, само сдерживало себя железной цепью дисциплины.

В олени мешки приискателей текло тяжёлым потоком драгоценное золото.

Его нетрудно было достать. Трудно было его сохранить и унести в город.

А ближним городом был Благовещенск, отстоявший от Бома на шестьсот с лишним вёрст.

В Благовещенске сосредоточивались скупщики золота, купцы, росли новые и новые магазины и кабаки. Золотоискатели за несколько дней пропивали то золото, которое с таким невероятным трудом добывалось в дебрях Селемджинской тайги» [3].

Биографически герой-рассказчик во многом, хотя и не во всём, совпадает с автором – П.Н. Васильевым. Свою собственную биографию писатель несколько «расцвечивает», приукрашает. Характерный пример – разговор рассказчика с золотоискателем Катовщиковым: «Ночью, подкатившись ко мне, Катовщиков <...> заводил свой неизменный и томительный разговор. / – Павл Николаич! А, Павл Николаич, спишь ты али нет? <...> Скажи мне, примерно, Павл Николаич, ты, значит, и вырос не в здешних краях? / – Да, да. / – <...> А ты вот ещё скажи мне <...>: был ли ты что ни на есть у самого Чёрного моря? / <...> Я начинал говорить и сам незаметно увлекался. Плыли кипарисы и мягкие морские волны, заласканные щедрым солнцем. Проходили высмугленные зноем, легко одетые люди, грузли пьяным соком кисти винограда» [3]. На самом же деле автор очерка «В золотой разведке» «у самого Чёрного моря» никогда не бывал.

В проблемно-тематическом и художественном отношении «В золотой разведке» и «Люди в тайге» – не два разных произведения, а скорее две части неразрывного целого, содержательно и эстетически единого текста. Вопрос о том, почему Васильев разделил его, остаётся открытым. Возможно, он не уложился в отведённый издательством срок, из-за чего пришлось вначале публиковать лишь готовую часть, возможно, причина в чём-то ином. О том, что автор планировал выпустить одну очерковую книгу, а не две, косвенно свидетельствует цитирувавшееся выше письмо И. Пшеницыной. В нём Васильев, желая, очевидно, произвести впечатление на девушку, допустил ряд «художественных преувеличений»: «Я печатаюсь в журналах “Новый мир”, “Красная новь”, “Сибирские огни” <...>. / Я побывал в Ташкенте, Самарканде, Москве, Батуми, Константинополе, Владивостоке...». В реальности же из перечисленных журналов стихи Васильев к тому времени печатались единственный раз только в «Сибирских огнях», а из названных шести городов поэт побывал лишь в двух – Москве и Владивостоке. Далее в письме следует ещё одна «неточность»: «Вышел в Сибкрайиздате сборник моих художественных очерков <...>» [3]. На самом деле никакого сборника очерков ни в Сибкрайиздате, ни в каком ином издательстве у Васильева ещё не выходило. Похоже, и здесь планы свои (а, возможно, предварительную договорённость с издательством) Васильев выдаёт за свершившийся факт. Тем не менее, последняя цитата, по сути, подтверждает предположение, что в январе 1929 г. в планах у Васильева была одна книга «художественных очерков», что он первоначально не предполагал дробить свои очерки. Ещё одна труднообъяснимая странность: книга очерков, вышедшая в 1930-м («В золотой разведке»), описывает события, которые случились позже тех, о которых автор рассказывает в очерках, напечатанных годом позже («Люди в тайге»). Так что в случае, если бы автору предложили переиздать его очерки под одной обложкой, скорее всего он бы расположил их так, чтобы была восстановлена временная и событийная последовательность – «Люди в тайге» в этом случае должны стоять перед «Золотой разведкой», а не после неё.

Судя по всему, читателями своих «художественных очерков» автор видел не столько жителей Приамурья, сколько тех, для кого Амурский край – далёкий неведомый мир, подобие Африки или Амазонии. По этой причине он не стремится нарисовать абсолютно достоверную картину, как это принято в документальных жанрах, а использует вымысел, допустимый в художественной прозе. Селемджинская тайга, конечно, место суровое, но не до такой степени, чтобы уже в ноябре температура постоянно держалась днём на отметке минус 50.

Книги Васильева имеют отчётливо выраженный этнографический характер. По этой причине автор много внимания уделяет описанию быта коренных жителей северных районов Приамурья – манегров, эвенков. Последние, правда, почему-то именуется якутами. В очерках есть и иные фактические неточности: так, в число диких обитателей селемджинской тайги, наряду с медведями, рысями, оленями, сохатыми, изюбрами, косулями, автор совершенно некстати включает... зубров. Впрочем, и часто упоминаемый Васильевым тигр – в конце 1920-х был уже скорее обитателем преданий, чем реальной амурской тайги.

В описаниях жизни коренных народностей Приамурья, как и в целом в очерках, присутствуют разные тенденции: поэтика бытописательного реализма, граничащего с натурализмом, совмещается с романтической патетикой и модернистской экспрессивностью. В очерках немало натуралистических сцен, в которых предстают эвенки («якуты»). Одна из них рисуется в очерке «В золотой разведке»: «Если якуты, кочующие по реке Селемдже, живут бедно и грязно, то условия жизни норских якутов совершенно невыносимы. Голод – естественное явление здесь. Нет хлеба. Одежда сшита исключительно из звериных шкур. <...> Мы с техником вошли в низкий и душный чум. В кольце закопчённых камней подстреленной птицей бился огонь. Возле огня сидела молодая якутка, почти девочка, и, не торопясь, ловила вшей в густой шерсти подшубника. Она ловко зажимала пойманных насекомых между пальцами, клала их в рот и, раздавив, выплёвывала на пол» [3]. Следом за этим идёт близкое по стилю описание таёжного охотника: «Мы с недоумением смотрели на приземистую, рахитичную фигуру вошедшего, на его дряблое лицо с трахомными глазами <...>. Неужели? Но перед нами действительно стоял Большой Охотник. Об этом говорили кончики тигровых и соболевых хвостов, нашитые на его дошке. / Брутцкий встречался с ним раньше: / – Страшный стрелок. Больше таких я не видел. <...> Около десятка тигров ухомаздал. На медведя с ножом идёт. Как свинью режет» [3].

Это сугубо натуралистическое описание сменяет выдержанный в совершенно иной стилистике – романтической – рассказ самого охотника в «переводе» приискателя Брутцкого: «Первый снег упал у Яблонового. И такой глубокий снег, что целовать его хочется. <...> Капкан шёл осматривать Большой Охотник. Не попался ли соболь сереброспинный или драгоценная куница. <...> Только видит след. Тонконогий изюбр прошёл. Рыхлый след, недавний. Два патрона в бердане – на изюбра хватит... По следу вперёд, вперёд. Мелькнула узкая таёжная просека, да вдруг покачнулась, заметалась из стороны в сторону. Густым пятном на снегу изюбр, – два тигра над ним седые усы склонили. А третий по поляне – прыжками, прыжками. Играет. <...> Два патрона в запасе, – что делать? А тигр сощурил зелёные свои глаза. И каждый глаз луною всходит...» [3]. Эти впечатления, полученные в селемджинской тайге, отразились и в стихотворении П. Васильева «Охотничья песнь» (1929):

Зверя сначала надо гнать
Через сугроб в сугроб.
Нужно уметь в сети сплести
Нити звериных троп.
Зверя сначала надо гнать,
Чтоб пал заморён, и потом
Начал седые снега лизать
Розовым языком.
Рыжим пламенем, если – лиса,
Веткою кедра, если – волк,
Чтоб пробовал пули кусать,
Целя зубов защёлк.
Но если княжен зверь и усат,
Если он шкурою полосат,
Значит, спустился знатный вор
С самых вершин Захинганских гор.
Будь осторожен! Зверь велик,
Он приготовил свой рыжий клык,
Не побежит от тебя, как те,
Верен удар голубых когтей.
Старым удадом кричит заря.
В пёстрый лоб посылай заряд,
Пусть не солжёт под рукой курок,
Цель под лопатку, чтоб зверь полёт.
Сучья кустарников злы и остры,
Братья твои разжигают костры,
Братья встречают тебя на заре,
Злой и седой победитель зверей.
Песней старинной шумят снега.
Пади. Болота. Черна тайга [3].

Рисуя образы представителей малых народов Севера, Васильев в большей степени обращает внимание не на индивидуальные черты личности, а на типовые, чисто «этнографические». Нечто подобное происходит и при описании китайцев, работающих на золотых приисках Селемджи. Они тоже предстают как некая однородная масса, нерасчленимое единство, тоже наделяются исключительно «типическими» свойствами: «Китайцы прибыли на промыслы из Сахо-Ляна, Чи-Фу (Чифу, совр. название – Яньтай. – А.У.), Харбина, из северной провинции Хубэй (Хубэй. – А.У.). Они даже не могли говорить по-русски. <...> Китайцы перевалили русскую границу, чтобы заработать денег и уйти вновь. Контора Союззолота принимает руду по 5 рублей за золотник. У китайцев – тайная мечта, затаённая по-азиатски: принести золото к банкам Харбина или хотя бы к барышникам Благовещенска. Там оплата больше в несколько раз. Драгоценный металл может быть утаён от зрителя и скрыт в потайных кладницах. Так возникает страшное и позорное для любых приисков слово “утечка”» [3]. И даже когда автор рисует сцены с участием отдельных китайцев, он и здесь нацелен на выявление именно общего, а не индивидуального. Один из таких эпизодов – «воспитательная работа» с китайцем, уличённым в сокрытии золота: «Китаец покорно поплёлся вслед за Ивоным в фанзу. Из открытых окон фанзы было слышно, как надсадно кричал Ивоин: / – Социализм строим, скотина. Индустрию... Через рабочих... Через тяготы... кровь проливали... А ты... Что ты делаешь?.. У кого ворует, кого обкрадываешь?.. / Китаец длинно выл: / – Ка-а-а-итэн, ка-а-а-питан!» [3].

В книгах Васильева множество великолепных пейзажных зарисовок амурского края. Одни из них выполнены в очерковой манере и почти лишены «поэтических украшений»: «Тайга долго тянулась тёмной отвесной стеной и потом внезапно оборвалась у крутых берегов закованной в льды Селемджи. Всё необозримое пространство обрушилось на нас бледно-голубым куполом неба, заполненным тишиной. <...> Причудливыми изгибами – “узлами” – шла Селемджа. Типичная таёжная речка! Одинокое сосны, мелкий березняк и гальки бесчисленных “кос”, обнажённые злыми, неукротимыми ветрами» [3].

Но гораздо чаще автор рисует экзотическую природу северного Приамурья иначе – красочно, метафорически, как поэт, а не очеркист: «Техник философствовал вслух: / – Не правда ли... Есть в здешних ночах что-то такое, как бы это выразить, таинственное, поглощающее и, нужно признаться, даже страшное... Будто каждая звезда следит за твоими движениями и... подстерегает. <...> / Обратите внимание – экий звёздный колпак опрокинулся на нас, и из-под него уже не ускользнёшь. <...> Днём бегаешь, шумишь и ничего не замечаешь... А ночь вот нахлынет и сразу берёт тебя в лапы. Сам себе пигмеем кажешься... Нет, вы обратите внимание – ведь всё это – миры, миры... / Техник широко развёл рукой, как бы стараясь продолжить грандиозность и неотразимость своих впечатлений. / А ночь действительно глядела на нас в упор зеленоватыми, бесстрастными глазами. Она сдержанно дышала, склонившись над землёй. <...> От тишины, от величавого спокойствия таёжной ночи кровь сладко и томительно тяжелела» [3]; «Солнце висело над самым горизонтом, горячее и багровое, как обливающийся кровью звериный глаз» [3]; «Закат висел тяжёлой широкой полосой, как висят обвиснувшие в безветрии кумачовые плакаты. Это был невероятных размеров ярко-красный мокрый вздрагивающий плавник рыбы» [3].

Но главная художественная удача Васильева – не ярко прорисованные экзотические ландшафты, а «люди в тайге», образы приискателей: техника, Брутцкого, Катовщикова, Карпова и др. В отличие от «якутов» и китайцев, они наделены яркими индивидуальными чертами. Писатель не только мастерски рисует неповторимо-выразительные портреты каждого из них, но и проявляет, высвечивает их внутренний мир – прежде всего через их речь, диалоги и монологи. Автор любит своих героев, восхищается ими: «Удивительный человек техник!»; «Какой непоколебимый великан этот Брутцкий!»; «Вплоть до последних Яблоновых хребтов Карпов считается лучшим, непревзойдённым погонщиком собак. <...> Он был бы вполне пригоден для типажа Джека Лондона, даже Кервуда <...>».

Но и эти могучие в глазах рассказчика герои уступают тем, кто стоял у истоков золотоискательства. Об одном из титанов амурского приискового дела – знаменитом селемджинском золотоискателе Бархатове воодушевлённо рассказывает Катовщикова: «Нет теперь по Селемдже и Норе такого ключа, на котором бы Бархатов шурфа не бил... Славный был человек. Теперь такого не встретишь. Теперь мелкота пошла. Мужик кулаком быка на землю валил. Три пудика на плечи – и айда от Бомы к Благовещенску. А это, прикидывай, вёрст шестьсот, а то и боле. <...> Одно слово – коренной...» [3].

Но и Катовщиков, рассказывающий о легендарном Бархатове, в восприятии автора незауряден. Он тоже коренной амурец: «<...> родился и вырос в здешних краях. Он искал золото по Селемдже и Норе ещё в легендарные бомовские времена. Он “носил” золото сквозь таёжные дебри, подвергаясь тысячам самых разнообразных опасностей. Таких ходоков подстерегали и хунхузы, и конно-казачья полиция... Бессменно сторожили “фартовых” по тропинкам норской тайги голод, цинга, болотная лихорадка... / Катовщиков оттянул пальцем нижнюю губу: / – Видите, четыре зуба всего осталось. Рисковое было время. Суровое время. А всё-таки, как вспомнишь, сердце радуется, потому – молодость... / В глазах у него плясали весёлые, задорные огоньки. / – Главное, нужно уметь взять жись за рёбра. Она тебя на испуг берёт, а ты её. Ну – кто сильнее? Трудности были. Горечь была. А без горечи и сладость не в сладость. / Пробираешься с винтовкой да лотком по тайге. Руки о кустарь – в кровь. Утречком голод подтягивает... Но зато вдруг у ручья на дне блеснёт желанное. Золото, братишечки, золото!.. / В Катовщикове проснулся старый, глубоко засевший в нём хищник. Глаза его блестели, ноздри нервно вздрагивали. Пропали его рассудительность и благодушие. Будто подменили человека. / – Что вы думаете – из-за несчастного жалованья, что ли, я сейчас с экспедицией пошёл? Нужны мне ваши деньги! Плевать я на них хотел. Где хошь – найду. Нет, бродяжьем духом потянуло. <...> Катовщиков курил махорку, встряхивал головой и рассказывал. / Я записывал его рассказы в блокнот» [3].

Однако самый близкий автору персонаж – техник, руководитель экспедиции, бывший ленинградец, интеллигент, прекрасно разбирающийся в литературе, легко цитирующий Пушкина, Лондона, Сельвинского и в то же время фанатик своего дела, стойчески переносящий невероятные трудности ради процветания страны: «Дайте время, здесь такие работы развернутся! Локомотивы... Драги! Перспективы широчайшие! Меня, знаете, охватывает вдохновение. Не смейтесь, не смейтесь! Добыть презренный металл для Республики – это дело может вдохновить. Вы думаете, у меня “золотая лихорадка”, тяга к экзотике, что ли? Нет, батенька мой, отмороженные уши – плохая экзотика. Мне сказали: “Найти золото!” – и я его найду во что бы то ни стало, хотя бы пришлось сдохнуть. <...> во имя страны, во имя драг!» [3].

Художественно-очерковые книги Васильева «Люди в тайге» и «В золотой разведке» заслуживают переиздания, заслуживают того, чтобы современный амурский читатель имел возможность познакомиться с ними.

Литература

1. Васильев П. В золотой разведке: [Очерки]. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1930. 47 с.
2. Васильев П. Люди в тайге: [Очерки]. М.–Л.: Физкультура и туризм, 1931. 40 с.
3. Васильев П.Н. Сочинения. Письма (Полное собр. соч.) / Сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. С.С. Куняева. М.: Эллис Лак, 2002. 896 с. В статье эта книга цитируется по электронной версии: http://Royallib.com/author/vasilev_pavel/html.
4. Урманов А.В. Васильев Павел Николаевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 85–90.